

Ф.М. Достоевский

Письма. (1866)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Д70

Д70 **Достоевский Ф.М.**
Письма. (1866) / Ф.М. Достоевский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
236 с.

ISBN 978-5-4241-1577-6

Ф. М. Достоевский принадлежит к числу самых знаменитых писателей XIX века. И в наши дни его произведения читаются с тем же неослабевающим интересом, что и при его жизни. Романы "Преступление и наказание", "Идиот", "Бесы", "Братья Карамазовы" знают во всех странах мира.

ISBN 978-5-4241-1577-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Ф.М. Достоевский, 2021

Достоевский Федор
Михайлович
Письма (1866)

1866

272. Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ

13 февраля 1866. Петербург

Столярный переулок близ Кокушкина моста, дом Алонкина.

Петербург 13 февраля/65. (1)

Любезнейшая сестра Домника Ивановна,

Если я не отвечал на Ваше милое письмо до сих пор, то поверьте, что не имел часу времени. Если же Вам покажется это невероятным, то я ничего не могу прибавить. Знайте, что мне надо приготовить к сроку 5 частей романа, часть денег взята вперед; письмо же, которое другому стоит полчаса, - мне стоит 4 часа, потому что я не умею писать писем. Кроме романа, который пишу ночью и к которому нужно подходить с известным расположением духа, у меня бесчисленное число дел с кредиторами. Мне надо было подать одну важную бумагу в суд - важнейшую, и я пропустил срок, буквально говорю, - потому что нет времени. Не говорю о здоровье: припадки падучей мучают меня (с усилением работы) всё сильнее и сильнее, а я, целых два месяца, не мог найти времени, чтоб сходить (2 шага от меня) в Максимилиановскую лечебницу посоветоваться с доктором. Если Вам и это будет невероятно и смешно, то думайте как угодно, а я говорю правду.

Наконец-то болезнь скрючила меня. Вот уже 8 дней я едва могу двигаться. Мне ведено лежать и прикладывать холодные компрессы непрерывно, день и ночь. И вот по этому-то случаю я Вам и пишу: нашлось время. Едва хожу, едва пером вожу.

Все те чувства, которые Вы ко мне имеете, имею и я к Вам. И что у Вас за недоверчивость? Вы пишете: "Я не могла не поверить Вашим словам". Да зачем же бы я Вам стал лгать? Но если я не могу писать часто писем, то это, во-1-х) значит, что не могу буквально, потому что нет времени, а 2-е) в переписке нашей мы ничего, кроме отвлеченностей, не могли бы написать друг другу. Все насущные дела наши нам обоюдно незнакомы. Про внутреннюю же, душевную жизнь - как можно писать в письмах? Этого в три дня свидания не расскажешь! Я не могу делать ничего дилетантским образом, а делаю прямо, правдиво и горячо. Поэтому если начну рассказывать о себе, то напишу Вам целую повесть. А этого я не могу. Да и что изобразишь даже и в повести?

Это ничего, что мы редко видимся. Зато свидимся хорошо и накрепко. Вы и брат Андрей, кажется, одни только и остались у меня теперь хорошие родственники. Кстати, вот пример: да тут целая книга выйдет, если написать всё об отношениях моих с родными - отношениях, которые меня волнуют и мучат. (И об чем же бы я и писать Вам стал, если не о том, что меня волнует и мучит? С друзьями разве можно переписываться иначе?) А между тем я нужнейшего и необходимейшего письма к родственнику моему Александру Павловичу Иванову не нахожу, вот уже месяц времени, написать. Да и как это всё описать?

Вы пишете, что я часто езжу в Москву. Да когда же это было? Вот уже ровно год как я не был в Москве, а между тем у меня там наиважнейшее дело, даже два дела. Там уже печатается у Каткова мой роман, а я еще до сих пор в цене не

условился, - что надо сделать лично. Ехать надо непременно, сегодня-завтра, а я не могу, - нет времени.

С братом Вашим Михаилом Ивановичем Федорченко я хоть и познакомился, но так тем дело и кончилось. Во-1-х, 7 верст расстояния (а я никуда не хожу, ни к одному знакомому. Велено доктором развлекать себя в театр ходить, не был ни разу во весь год, кроме одного разу в октябре), а во-2-х) мне кажется, что и сам брат Ваш тоже занятой человек и довольно равнодушно относится к моему знакомству. Он, впрочем, был так добр, что передал мне Ваше письмо, почему и заходил ко мне на минутку. Мне он показался превосходным человеком, но необыкновенно скрытным и таинственным, желающим как можно менее высказать на самый обыкновенный вопрос и как можно более умолчать. Впрочем, повторяю, мне удалось видеть его всего только одну минуту и в такой час, в который я только чудом был дома. После же вечера, который я имел удовольствие провести у них (30 ноября) и на котором я в первый раз с ними познакомился, я ни разу не встречал Вашего брата. Правда, он приглашал меня у них бывать, но ведь я человек не светский и, главное, посещаю только тех, в которых крепко уверен, по фактам, что они желают со мной знакомства.

Когда кончу роман, будет больше времени. (2) Очень бы хотелось приехать к вам на святой.

Извините некоторый беспорядок моего письма. Я очень нездоров и несколько раз бросал перо и вскакивал с места от нестерпимой боли, чтоб отдохнуть на постели и потом опять продолжать. Пожмите от меня руку брату, да покрепче, и поцелуйте деток. Летом или весной к Вам буду, как кончу работу.

Ваш весь Ф. Достоевский.

(1) в подлиннике год указан ошибочно

(2) далее было: Я, впрочем, желал бы иметь об Вас известие.

273. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

18 февраля 1866. Петербург

Петербург 18 февраля/66.

Добрейший и старый друг мой, Александр Егорович, - я перед Вами виноват в долгом молчании, но виноват без вины. Трудно было бы мне теперь описать Вам всю мою теперешнюю жизнь и все обстоятельства, чтобы дать Вам ясно понять все причины моего долгого молчания. Причины сложные и многочисленные, и потому их не описываю, но кой-что упомяну. Во-1-х, сижу над работой как каторжник. Это тот роман в "Русский вестник". Роман большой в 6 частей. В конце ноября было много написано и готово; я всё сжег; теперь в этом можно признаться. Мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек, и я начал сызнава. Работаю я дни и ночи, и все-таки работаю мало. По расчету выходит, что каждый месяц мне надо доставить в "Русский вестник" до 6-ти печатных листов. Это ужасно; но я бы доставил, если б была свобода духа. Роман есть дело поэтическое, требует для исполнения спокойствия духа и воображения. А меня мучат кредиторы, то есть грозят посадить в тюрьму. До сих пор не уладил с ними, и еще не знаю наверно - улажу ли? - хотя многие из них благоразумны и принимают предложение мое рассрочить им уплату на 5 лет; но с некоторыми не мог еще до сих пор сладить. Поймите, каково мое беспокойство. Это надрывает дух и сердце, расстроивает на несколько дней, а тут садись и пиши. Иногда это

невозможно. Вот почему и трудно найти минуту спокойную, чтоб поговорить с старым другом. Ей-богу! Наконец болезни. Сначала, по приезде, страшно беспокоила падучая; казалось, она хотела наверстать мои три месяца за границей, когда ее не было. А теперь вот уж месяц замучил меня геморрой. Вы об этой болезни, вероятно, не имеете и понятия и каковы могут быть ее припадки. Вот уже третий год сряду она повадилась мучить меня два месяца в году - в феврале и в марте. И каково же: пятнадцать дней (!) должен был я пролежать на моем диване и 15 дней не мог взять пера в руки. Теперь в остальные 15 дней мне предстоит написать 5 листов! И лежать совершенно здоровому всем организмом потому собственно, что ни стоять, ни сидеть не мог от судорог, которые сейчас начинались, только что я вставал с дивана! Теперь дня три как мне гораздо легче. Лечил меня Besser. Бросаюсь на свободную минуту, чтоб поговорить с друзьями. Как меня мучило, что я Вам не отвечал! Но я и не Вам, я и другим, которые имеют право на мое сердце, не отвечал. Упомянув Вам о моих хлопотливых дрязгах, я ни слова не сказал о неприятностях семейных, о хлопотах бесчисленных по делам покойного брата и его семейства и по делам покойного нашего журнала. Я стал нервен, раздражителен, характер мой испортился. Я не знаю, до чего это дойдет. Всю зиму я ни к кому не ходил, никого и ничего не видал, в театре был только раз на первом представлении "Рогнеды". И так продолжится до окончания романа - если не посадят в долговое отделение.

Теперь - ответ на Ваши слова. Вы пишете, что мне лучше служить в коронной службе; вряд ли? Мне выгоднее там, где денег больше можно достать. Я в литературе имею уже такое имя, что верный кусок хлеба (кабы не долги) всегда бы у меня был, да еще сладкий, богатый кусок, как и было вплоть до последнего года. Кстати, расскажу Вам о теперешних моих литературных занятиях, и из этого Вы узнаете, в чем тут дело. Из-за границы, будучи придавлен обстоятельствами, я послал Каткову предложение за самую низкую для меня плату 125 р. с листа ихнего, то есть 150 р. с листа "Современника". Они согласились. Потом я узнал, что согласились с радостью, потому что у них из беллетристики на этот год ничего не было: Тургенев не пишет ничего, а с Львом Толстым они поссорились. Я явился на выручку (всё это я знаю из верных рук). Но они страшно со мной осторожничали и политиковали. Дело в том, что они страшные скряги. Роман им казался велик. Платить за 25 листов (а может быть, и за 30) по 125 р. их пугало. Одним словом, вся их политика в том (уж ко мне засылали), чтоб сбавить плату с листа, а у меня в том, чтоб набавить. И теперь у нас идет глухая борьба. Им, очевидно, хочется, чтоб я приехал в Москву. Я же выжидаю, и вот в чем моя цель: если бог поможет, то роман этот может быть великолепнейшею вещью. Мне хочется, чтоб не менее 3-х частей (то есть половина всего) была напечатана, (1) эффект в публике будет произведен, и тогда я поеду в Москву и посмотрю, как они тогда мне сбавят? Напротив, может быть, прибавят. Это будет к святой. И, кроме того, стараюсь не забирать там денег вперед; жмусь и живу нищенски. Мое от меня не уйдет, а если забирать вперед, то я уже нравственно не свободен, когда буду впоследствии окончательно говорить с ними об уплате. Недели две тому назад вышла первая часть моего романа в первой январской книге "Русского вестника". Называется "Преступление и наказание". Я уже слышал много восторженных отзывов. Там есть смелые и новые вещи. Как жаль мне, что я Вам не могу послать! Неужели у Вас никто не получает "Русского вестника"?

Теперь слушайте: предположите, что мне удастся хорошо окончить, так как бы я желал: ведь я мечтаю знаете об чем: продать его нынешнего же года книго-продавцу вторым изданием, и я возьму еще тысячи две или три даже. Ведь этого не даст коронная служба? А продам-то я вторым изданием наверно, потому что ни одно мое сочинение не обходилось без этого. Но вот в чем беда: я могу испортить роман, и я это предчувствую. Если посадят в тюрьму за долги, то наверно испорчу и даже не докончу; тогда всё лопнет.

Но я слишком много разболтался о себе. Не сочтите за эгоизм: это бывает с всеми, которые слишком долго сидят в своем углу и молчат. Вы пишете, что Вы и всё Ваше семейство перехворали. Это тяжело: хоть здоровьем-то заграничная жизнь должна бы Вас была вознаградить! Что было бы с Вами и с Вашим семейством эту зиму в Петербурге! Это ужас, что у нас было, а летом еще, пожалуй, холера пожалует. Передайте Вашей жене мои искренние чувства уважения и желание всевозможного ей счастья, а главное, пусть начнется с здоровья! Добрый друг мой, Вы по крайней мере счастливы в семействе, а мне отказала судьба в этом великом и единственном человеческом счастье. Да, для семейства Вы многим обязаны. Вы мне пишете о предложении Вашего отца и что Вы отказались. Я не имею права ничего Вам тут советовать, собственно потому что в полноте дела не знаю. Но вот в чем примите совет друга: не решайтесь поспешно, не говорите последнего слова и оставьте окончательное решение до лета, когда сами приедете. Эти решения делаются на всю жизнь; тут переворот всей жизни. Даже если б Вы и порешили летом продолжать службу, то все-таки не говорите окончательного слова и оставьте разрешить впоследствии обстоятельствам.

Летом, я думаю, наверно буду в Петербурге; стало быть, мы увидимся. Тогда поговорим о многом. Кстати, я очень рад, что Вас так интересуется наша внутренняя, русская умственная и гражданская жизнь. Мне, как другу, очень приятно, что Вы такой, хотя не во всем с Вами согласен. На многое смотрите Вы несколько исключительно. Не черпаете ли Вы известия из иностранных газет? Там систематически искажают всё, что касается России. Но это обширный вопрос. По-моему, живя за границей, действительно подпадаешь под влияние иностранной прессы. Я это даже на себе испытал. Но, однако ж, во многом, и очень даже, я предчувствую, что с Вами согласен.

"Весть" издается двумя издателями-редакторами: Скарятиним и Юматовым. Прощайте, добрый друг мой, до свиданья. Надеюсь в будущем письме обменяться с Вами более счастливыми известиями. Дал бы бог! А теперь

Ваш весь *Ф. Достоевский*.

Поцелуйте милых деток Ваших.

Все Ваши оставшиеся у меня вещи в целости и лежат в комод. Друг мой, я Вам должен. Подождите несколько; отдам. Теперь же скряжничая, а если б Вы знали, сколько уж должен был истратить здесь денег!

Не знаю еще, что буду делать, когда кончу роман. Главное, тогда подновится мое литературное имя и можно будет к осени что-нибудь предпринять. У меня есть план, но надо быть благоразумным.

Вот Вам еще факт: страшно усиливается подписка на все журналы и книжная торговля. Это последние сведения от книгопродавцев, да и сам имею факты.

(1) далее было: и тогда

Милостивый государь Яков Карлович,

Я говорил Егору Петровичу, что буду читать 2-ю главу первой части моего романа "Преступление и наказание", - так как тут отдельный эпизод. Егор Петрович это одобрил.

Вставок не сделаю ни одного слова, но сокращения некоторые сделаю, что, конечно, возможно.

Другого экземпляра у меня нет, а потому покорнейше прошу Вас, если только возможно, возвратить мне этот экземпляр хоть в четверг, чтоб я мог приготовиться.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Федор Достоевский.

14 марта.

275. М. Н. КАТКОВУ

25 апреля 1866. Петербург

Петербург 25 апреля/66.

Милостивый государь Михаил Никифорович,

Сердечно благодарю Вас за помощь, которую Вы мне оказали присылкою 1000 руб., и искренно извиняюсь, что благодарю Вас слишком поздно. Я послал в Редакцию "Русского вестника" три главы неделю назад. Постараюсь не замедлить и с дальнейшим. Здесь мне очень трудно работать, - нездоровье и домашние обстоятельства. Я, однако ж, поспею. А отъезд мой за границу затянулся, по теперешним обстоятельствам, так как я всё еще, с самого возвращения из ссылки, состою под надзором; да и война теперь в Европе. Так что совершенно не знаю, где останусь на лето.

Вы не поверите, с каким восторгом читаю я теперь "Московские ведомости". Все увидели и узнали теперь, что они всегда были независимым органом, безо всяких внушений и субсидий, а это слишком важно, что все узнали это наконец. Это пьедестал. Простите мне мое откровенное слово: но ведь публика (по крайней мере, масса) до сих пор была уверена в противном. Это хорошо, что всё все узнали. И какую низкую роль взяли на себя все эти наши субсидьеры! Что они защищают? (Субсидьеры - словцо, которое я хочу пустить в ход; оно по преимуществу означает постоянство промысла. Гравер, танцор - означают постоянство промысла, ремесла. Субсидьер - постоянство в получении субсидий, откуда бы ни было и как бы то ни было.)

Откровенно говорю, что я был и, кажется, навсегда останусь по убеждениям настоящим славянофилом, кроме крошечных разногласий, а следовательно, никогда не могу согласиться вполне с "Московскими ведомостями" в иных пунктах. Совершенно и вполне понимаю, многоуважаемый Михаил Никифорович, что я не очень Вас устрасу этим. Но вот для чего я это написал: мне хотелось непременно высказать Вам самую сердечную признательность, самое горячее уважение за правду и за прекрасную деятельность Вашу особенно в эту минуту. А чтоб высказать это, не знаю почему, мне показалось необходимо высказать Вам предварительно мои настоящие убеждения. Может быть, это слишком наивно, но почему же не быть хоть раз и наивным?

Корреспонденции "Московских ведомостей" из Петербурга - все верны. Но здесь очень многие верят, что дело так и кончится одними нигилистами, а корень

зла скажется разве только через несколько лет, сам собою, путем историческим. Мне случалось слышать мнение, что "Московские ведомости" слишком мало придают значения нигилизму; что, конечно, центр и начало зла не тут, а вне; но что нигилисты и сами по себе на всё способны. Учение "встряхнуть всё par les quatre coins de la parre, чтоб, по крайней мере, была tabula rasa для действия", - корней не требует. Все нигилисты суть социалисты. Социализм (а особенно в русской переделке) - именно требует отрезания всех связей. Ведь они совершенно уверены, что на tabula rasa они тотчас выстроят рай. Фурье ведь был же уверен, что стоит построить одну фаланстеру и весь мир тотчас же покроется фаланстерами; это его слова. А наш Чернышевский говаривал, что стоит ему четверть часа с народом поговорить, и он тотчас же убедит его обратиться в социализм. У наших же у русских, бедненьких, беззащитных мальчиков и девочек, есть еще свой, вечно пребывающий основной пункт, на котором еще долго будет зиждиться социализм, а именно, энтузиазм к добру и чистота их сердец. Мошенников и пакостников между ними бездна. Но все эти гимназистики, студентики, которых я так много видал, так чисто, так беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы! Ведь они беззащитны против этих нелепостей И принимают их как совершенство. Здравая наука, разумеется, всё искоренит. Но когда еще она будет? Сколько жертв поглотит социализм до того времени? И наконец: здравая наука, хоть и укоренится, не так скоро истребит плевела, потому что здравая наука - все еще только наука, а не непосредственный вид гражданской и общественной деятельности. А ведь бедняжки убеждены, что нигилизм - дает им самое полное проявление их гражданской и общественной деятельности и свободы.

Известия у Вас про реакцию тоже очень верны. Все боятся, и уж ясно, что началом этой боязни интрига. Но знаете, что говорят некоторые? Они говорят, что 4-е апреля математически доказало могучее, чрезвычайное, святое единение царя с народом. А при таком единении могло бы быть гораздо более доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах. А между тем со страхом ожидают теперь стеснения слова, мысли. Ждут канцелярской опеки. А как бороться с нигилизмом без свободы слова? Если б дать даже им, нигилистам, свободу слова, то даже и тогда могло быть выгоднее: они бы насмешили тогда всю Россию положительными разъяснениями своего учения. А теперь придают им вид сфинксов, загадок, мудрости, таинственности, а это прельщает неопытных.

Почему бы не сделать, говорят иные, даже следствия гласным? Ведь у них, в канцелярии, может быть, даже человека нет, который бы сумел говорить с нигилистами. А тут бы, при гласности, всё общество помогло, и энтузиазм народный не поглощался бы, как теперь, канцелярским секретом. Видят и в этом неловкость, робость правительственных мер, приверженность к старым формам. Ну и не доверяют, и начинают бояться реакции.

Примите уверения в полном моем уважении. Вас глубоко уважающий
Фед<ор> Достоевский.

Простите за некоторые помарки в письме. Не считите за небрежность. Не умею писать иначе, даже переписывая.

276. И. Л. ЯНЬШЕВУ

29 апреля 1866. Петербург

Петербург 29 апреля/66.

Добрейший и многоуважаемый Иван Леонтьевич,

Посылаю Вам 405 гульд. (234 гульден <a> 40 крейц., которые я взял у Вас, и 170 гульденов, за которые Вы поручились). Так записано у меня в книжке, когда Вы выдали мне деньги на выезд из Висбадена! Кажется, я не ошибся в счете. Если же ошибся, то сообщите мне.

Тяжелее всего для меня - оправдывать себя перед Вами. Я сознаю, что я виноват. Скажу Вам одно: если б я не отдавал Вам оттого только, что не хотел, или был неблагодарен, или жаден, - то мне, при таких качествах, всего тяжелее было бы отдавать Вам теперь, когда я за 405 гульд. заплатил в конторе Гинцбурга не 262 руб. (чего стоили 406 гульденов прошлого года), а 303 рубля 75 коп., по изменившемуся за это время курсу. При этом заявляю Вам факт (который хоть когда-нибудь да можно проверить), что в настоящую минуту, когда я отсылаю Вам деньги, на меня поданы ко взысканию два векселя - один в 300 руб. и другой в 500 руб., а для уплаты у меня всего 100 руб. осталось в ящике.

Прибавлю к этому, что из этих 800 руб. (взыскали гг. Демис и Гинтерлах) я никогда не пользовался ни одним рублем; все это долги моего покойного брата, из которых я уже заплатил собственных денег до 5000 (со времени его смерти), кроме 10000 - всего что у меня было, - истраченных на журнал. По глупости своей я переписал тогда эти векселя на себя, в надежде помочь вдове и детям покойного; из них (1) только вдова знает со мной, а дети даже мне теперь и не кланяются.

Я работаю теперь в "Русском вестнике", печатаю роман. Остается написать еще до 20 листов. За написанное я уже получил до 2000, - но не я получал, а только расписывался в получении, - получали за меня кредиторы. Первые значительные деньги, которые я увидел в руках - это те, которые Вам теперь посылаю.

Мне остается получить еще до 2000, по мере окончания романа. Надо заметить, что роман мой удался чрезвычайно и поднял мою репутацию как писателя. Вся моя будущность в том, чтоб кончить его хорошо. (Больше дадут за следующие произведения). А между тем: до того довел мою падучую болезнь, что если только неделю проработаю непрерывно, то ударяет припадок, и я следующую неделю уже не могу взяться за перо, иначе, через два-три припадка - апоплексия. А между тем кончить надо. Вот мое положение. Не знаю, каким образом вывернусь от долгового отделения; подал заявление о болезни. Но решат ли в мою пользу - не знаю. А в тюрьме писать нельзя.

Вы скажете: почему я не отдал Вам частями мой долг, хотя бы мелкими? Отвечу Вам: в то время, когда уже я написал более чем на 1000 руб., я принужден был продавать книги и закладывать платье, чтоб существовать. Мои деньги брали кредиторы, иначе они бы меня посадили, а в тюрьме, и особенно в нашей, я не мог бы кончить работу - и тогда никогда никому бы ни гроша не мог заплатить. Что же было делать? У меня, кроме того, на руках пасынок и вдова покойного брата. Конечно, Ваши права даже больше, чем ихние. Но тут я не мог решить, как бы я должен был сделать.

Не воображайте, впрочем (если захотите подумать обо мне), что я очень мучаюсь. Нет, было много и отрадных минут... Для меня еще не иссякла жизнь и надежда.

Но если и были дурные минуты, то, клянусь Вам, что из всех дурных минут, перенесенных мною за это время, одни из самых тяжелых были те, когда я вспоминал и воображал о том: что и как Вы обо мне думаете?

Ваше благороднейшее поведение со мной (кроме того, что Вы помогли мне тогда, - во все время Вы не напоминали мне ни единым словом о долге) меня мучило. Легче бы, если б Вы понуждали и жаловались. Право, я легче бы это перенес.

Зато никогда и никто не может уважать Вас больше моего.

Вам искренно преданный весь Ваш

Федор Достоевский.

Не взывайте за помарки. Иначе писать не умею, даже если б стал переписывать.

(1) было: из которых

277. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

9 мая 1866. Петербург

Петербург 9 мая.

Добрейший Александр Егорович,

Запоздал ответом и спешу наверстать потерянное. Поверьте, друг неизменный, Александр Егорович, что совесть меня самого беспокоит, и если б Ваше письмо пришло ко мне только неделей раньше, - я бы Вам тотчас выслал. Не смейтесь, что так говорю. Вот Вам мои дела: всю зиму жил анахоретом, работал, расстроил здоровье, жил копейками, а истратил 1500 руб. Куда? Да с меня так и рвут! На страстной поехал в Москву и взял у Каткова вперед 1000 р. Цель была та, чтобы поскорей поехать в Дрезден, засесть там на 3 месяца и кончить роман, чтоб никто не мешал. Иначе здесь в Петербурге невозможно кончить. Припадки усиливаются (чего за границей не бывает), а кредиторы, чем более им плати, тем становятся нахальнее. А между тем они же должны быть мне благодарны, что после смерти брата я переписал векселя на себя и часть уже заплатил. А если б я не переписал, то ничего бы они не получили.

Но дело обернулось так, что на этот раз в выдаче паспорта за границу потребовались особые формальности, дело затянулось, а курс стал падать, и что было на святой еще возможно, то теперь и немислимо. А между тем кредиторы стали подавать ко взысканию, и моя тысяча пошла прахом. Мне решительно нельзя жить в Петербурге. Несмотря на всё это, сижу и продолжаю роман изо всех сил. Он, в настоящую минуту, одна моя надежда. За него еще придется мне дополнить около 1500 р., а может, и более, а потом продам на второе издание, тоже никак не менее 1500 (уже торгуют). Но деньги с Каткова получать начну не ранее июля. В июле Вам и пришло, - несомненно. Если же хотя малейшая возможность будет прислать раньше (а это очень может случиться, потому что книгопродавцы уже торгуют на второе издание, прежде чем роман кончен), то тотчас же пришло. А Вас же прошу черкнуть мне хоть в двух словах точную цифру моего прошлогоднего Вам долга в ригсталерах, потому что записную книжку мою я потерял и помню мой долг приблизительно, но не точно. Прибавлю, что мне прискорбнее Вашего не послать Вам теперь. Вы конечно обвините меня: зачем другим платил, а не Вам? Всё, что могу ответить в извинение себе, это то, что без намерения произошло. Они подле меня и стиснули меня так, чтодохнуть нельзя было всё и